

сл. 7. 2. 1968, 1968, 24. 11. 1968

27 июля 1928 года А. М. Горький, приехав в Тбилиси (тогда еще Тифлис), встретился с корреспондентами местных газет. Отвечая на их вопросы, Алексей Максимович коснулся некоторых проблем рабселькоровской работы, экономического строительства. Немалую часть своего выступления он посвятил литературе.

Эта беседа Горького неизвестна широкому читателю. Она печаталась только в журнале «Литературная Грузия» (стенографическая запись Е. Александровой).

Сегодня в «Литературной газете» публикуется лишь часть этой беседы. Готовя ее к печати, мы сверили текст «Литературной Грузии» со стенограммой, предоставленной нам Н. Стором. В результате сверки двух стенограмм в текст беседы нами внесены некоторые дополнения и уточнения.

Председательствующий И. Товарищи, сегодняшняя наша встреча — встреча рабкоров, военкоров и селькоров города Тифлиса с Алексеем Максимовичем Горьким представляется мне не в виде торжественного собрания и произнесения торжественных речей, а в виде делового собеседования с нашим дорогим гостем Алексеем Максимовичем, присутствие которого здесь даст нам возможность обсудить те большие вопросы, которые интересуют каждого корреспондента...

Горький. Тут мне задал целый ряд вопросов однородного характера:

«Могут ли и должны ли писатели принимать участие в нашем строительстве? Могут ли принимать в нем участие писатели царского времени?»

Вот я — писатель царского времени, и я всегда принимал и принимаю участие в этом деле. То же самое можно сказать про Сергеева-Ценского, Сергея Городецкого, Александра Поморского, Демьяна Бедного, многих других поэтов и писателей. Все они принимают участие в строительстве...

Вопрос. Как относятся за границей к нашим пролетарским писателям?

Горький. Заграничная литература и пресса относятся к нам в высшей степени внимательно, перепечатывают произведения нашей молодежи, издают массу книг, издают все, что можно получить отсюда. Но надо сказать, что хорошие книги пролетарских писателей из России не достаются рабочим: буржуа не дают их читать рабочим, если они написаны под известным уклоном.

Вопрос. Нужна ли нам поэзия?

Горький. Я полагаю, что нужна. Я сам стихов не пишу, но думаю, что поэзия так или иначе нам нужна. Песня все любят, музыку любят, красивое слово или красивых женщин все вы любите, это я очень хорошо знаю. Как же здесь обойтись без поэзии? Ведь вся культура начата на этой почве. И мы с вами, товарищи, занимаемся поэзией, о чем же спрашивать.

Вопрос. Интересно узнать мнение Алексея Максимовича о художественной литературе, которую создают рабкоровы.

Вопрос. Какое значение имеет для пролетарской литературы художественная форма?

Горький. Я думаю, что эти ваши вопросы потребуют для ответа целой лекции. Дело в том, что это вопрос о литературной критике, об оценке литературы. Тут происходит явление, я бы сказал, в высшей степени неприятное, и виновниками его являются отчасти такие же молодые люди, как вы: люди слишком торопятся выявить себя. Двинуться вперед звучными словами и всякой всячиной. Из этого получают такие отношения, о которых я раньше говорил, — некоторая поспешность суждения и прочее. И поэтому говорят о нашей литературе неправильно. Я считаю себя не вправе говорить об этом потому, что для этого потребовалась бы большая речь, нужны соответствующие материалы; я хотел бы с книгами в руках говорить о фактах, показать, до какой степени неправильно ценят писателей, какие делают поспешные выводы, как плохо критикуют, как плохо читают книги. Я бы взял предисловие к книге и содержание книги и показал бы, насколько они не соответствуют, как неправильно идет воспитание молодых. У нас молодой начинающий писатель обставлен крайне плохо, редакторов хороших пока нет, таких редакторов, которые могли бы взять рукопись, прочесть ее внимательно и сказать — написана она плохо или хорошо, почему плохо или хорошо, указать автору рукописи, что писать надо так, а не так, надо избегать таких-то ошибок. Но надо принять во внимание, что всего шесть лет, как у вас сравнительно спокойная работа, и за этот срок в высшей степени

трудно было достичь желаемых результатов. Однако за эти шесть лет мы создали литературу, которой можем похвастаться перед Европой. Написали целый ряд прекрасных книг и каждый год даем два-три талантливых романа. Вот, например, «Тихий Дон» Шолохова. Шолохов написал прекрасную книгу. Возьмите Леонова. Прочтите «Вора» — произведение и по языку, и по ткани своей превосходное.

У нас сейчас такая масса литераторов, что следить

за всеми нет никакой возможности: я сам внимательно читаю новую литературу, но и у меня нет возможности уследить за всем. Однако я скажу, что читаю больше, чем любой редактор московского журнала. И винить редакторов не приходится. Возьмем, например, «Рабочую газету» Москвы. Она получает в среднем пять тысяч писем в месяц, а в состоянии ответить только на три процента этого количества. Остальные письма лежат громадным ворохом. Нет возможности прочесть все, и поэтому отвечают только на три процента, и, чтобы ответить на это количество, редакции приходится иметь огромный коллектив людей, которые читают письма и направляют ответы в различные учреждения, дают

советы, и это они могут сделать только с тремя процентами писем, потому что шестьдесят тысяч писем в год — это такое количество, разобраться в котором буквально невозможно.

Вот интересная записка: «Достаточно ли у нас темпы развития нашей культуры и скоро ли мы сможем догнать Запад?»

Я уже говорил по поводу темпов развития нашей культуры. Они у нас принимают фантастическую быстроту. Я говорю это, не преувеличивая. Я знаю, чем

делает «губернаторскую» должность, причем председатель губисполкома выполняет работу гораздо более сложную, чем губернатор старого, царского правительства, который был только администратором, тогда как председатель губисполкома, управляя губернией с населением в полмиллиона человек, должен знать экономику и хозяйство своей губернии... Обратите внимание на тот факт, что у нас 19 тысяч изобретателей. В этом отношении мы даже перегнали Европу. Это в достаточной мере свидетельствует о темпах нашего культурного развития.

Вопрос. Почему у нас нет крупных писателей за последнее десятилетие?

Горький. Это совершенно неверно. Последние десять лет дали ряд крупных имен.

У нас есть целый ряд любопытнейших работ. Русская литература за последние десять лет совершила, я бы сказал, чудеса храбрости. Например, в нашей литературе не было авантюрных романов, мы не писали их раньше, а вот явились молодые люди и стали писать приключенческие романы, и у нас есть многие такие, которым позавидовали бы английские писатели. Таковы Никулин — «Никаких случайностей», Мариэтта Шагинян, которая написала книгу «Мессе-Менд». Эти книги не могли быть написаны десять лет тому назад. Юмор у нас есть, хороший юморист в лице Зощенко. И еще много имен можно назвать очень крупных. Константин Федин — это писатель, который в течение нескольких лет сделал себе крупное имя. Я забыл упомянуть о Всеволоде Иванове. Вот вам совершенно законченный писатель, который не хуже многих литераторов моего поколения. Есть целый ряд таких писателей, которые являются крупными современными писателями, так что ваша оценка совершенно неправильная...

Вот у меня записка, которая ставит серьезный и конкретный вопрос: «Что надо делать для того, чтобы улучшить формы работы рабкоров и селькоров?»

Это действительно нужно. Дело в том, что большинство из вас страдает недостатком литературной техники, проще говоря — неумением писать. Часто вы излагаете вашу мысль в тяжелой форме, не русским языком, не потому, что вам так хочется, а потому, что у вас иначе не выходит. Я думаю, что следовало бы вдуматься во времени устраивать курсы для рабкоров и селькоров, на

которых бы преподавалась литературная техника.

Я по собственному опыту говорю, что очень трудно уметь писать. В моей практике встречались такие факты: получаешь письмо и с первых слов чувствуешь, что пишет человек даровитый, что он разбирается в вопросе, но пишет языком таким, что никуда вещь не годится, так написано, что и поправить нельзя.

...Само собой разумеется, я не так самонадеян, чтобы думать, что все, что мною было сказано, вы слушали с удовольствием. Тем не менее, по характеру вопросов, которые вы задавали, я должен сказать еще раз вам то, что уже говорил: да, товарищи, культурный процесс рабочей массы идет с поразительной быстротой. Написать столько записок, поставить столько вопросов в течение полутора часов, задать столько важных вопросов было бы невозможно десять лет назад. Это я говорю вам вполне серьезно, с полным убеждением в том, что действительно раньше это было бы невозможно. И тот факт, что это сделалось теперь возможным, является достижением рабочего класса и его руководителя — компартии.

Это сделала старая большевистская гвардия, которая сумела зарядить своей энергией трудящиеся массы.

Вот теперь всех нас волнуют вопросы глубокой важности, которые десять лет тому назад не могли волновать наши массы. Были тогда отдельные единицы, которые работали героически. Вот они-то организовались, взяли в свои руки и орудия производства, и всю государственную, политическую власть. И вот результат их героической работы — прошли шесть сравнительно спокойных лет, и эти люди, в крайне тяжелой обстановке, одной своей энергией добились так многого, стали творцами великого дела, такого великого, что его значения вы еще не совсем понимаете. А вам надо это понять, надо обнять все то, что уже сделано и что сейчас происходит. И когда вы это поймете, вы почувствуете в себе еще больше силы, еще больше умения, почувствуете себя еще более выпрямленными людьми, действительными героями нашей действительности, а эта действительность должна быть героизирована, и она героизируется вами.

Пожелаю вам, товарищи, и дальше идти вперед такими же шагами и строить так хорошо начатое великое дело.

ОЧЕНЬ ТРУДНО УМЕТЬ ПИСАТЬ...

Алексей Максимович Горький отвечает
на вопросы о молодой
советской литературе

за всеми нет никакой возможности: я сам внимательно читаю новую литературу, но и у меня нет возможности уследить за всем. Однако я скажу, что читаю больше, чем любой редактор московского журнала. И винить редакторов не приходится. Возьмем, например, «Рабочую газету» Москвы. Она получает в среднем пять тысяч писем в месяц, а в состоянии ответить только на три процента этого количества. Остальные письма лежат громадным ворохом. Нет возможности прочесть все, и поэтому отвечают только на три процента, и, чтобы ответить на это количество, редакции приходится иметь огромный коллектив людей, которые читают письма и направляют ответы в различные учреждения, дают

была Россия, когда мне было 20—25 лет. Я знаю, что в то время любили газету «Русские ведомости», которая расходилась в 20—25 тысячах экземпляров, не больше. Когда мне было 45 лет, то появилось «Русское слово», которое расходилось в 300 тысячах экземпляров. Даже этот прыжок в ту пору казался необычайным, и теперь, когда в одной Чувашской республике, где меньше миллиона населения, в республике, которая всего семь лет назад получила свою письменность, издается десять газет и каждая газета имеет 10 тысяч подписчиков и тысячи корреспондентов, — это действительно является чудесным.

Обратите внимание также на то, что простой рабочий от станка у нас зани-